

Г. Антюфеев.

СЫНКИ.

Рассказ.

*Ох, как за речкой Минчугом,
Да в стороне было чеченской...
(Старинная казачья песня).*

Сидя за большим замшелым валуном, который прятался в густоте ветвей и листьев орешника, Данила Герасимов прислушивался к шуму всё усиливающегося дождя. Монотонное покрапывание вводило в дрему. Хотелось расслабиться, сладко потянуться, завалиться набок, положив под голову кулаки. И заснуть. И спать до тех пор, пока солнце не разгонит тучи... Но – нельзя! Нельзя. Не для этого забрался на горный склон, покрытый зарослями...

Спать – нельзя, а вот вспоминать можно.

Недавно к нему в гости приезжал дядя Сулейман. Вначале его никак не могли понять: с фамилией, что была вписана в паспорте пожилого чеченца, в списках полка никто не числился.

- Вах, - взмахнул рукой дядюшка, - у него другая фамилия. У него другая национальность. Русский он.

- Как русский? Вы же сказали, что он – ваш сын...- удивился капитан Андреев.

- Ну да, сын. Ми по соседству жили. Так Данила у нас больше, чем дома, времени проводил. Я их с Ахмедом так и звал: «Сынки!»

- А Ахмед кто?

- Это уже мой родной сын. Тоже здесь где-то. Уехал работать. Помогать родне. Давно уже уехал. И что-то не пишет, не звонит. Вот я и направился сюда. Тоже к родне. Заодно, дай, думаю, Данилку проведаю. Как он тут? Не тяжело ему?

Офицер усмехнулся:

- Да всяко бывает...

- Ну, на то она и служба. Вот когда я служил – так же всякое случалось. И хорошее, и плохое. Но больше хорошего было...

Я всех ребят из своего взвода помню... Андрея Жилина из Одессы, Эдика Меджлумяна из Еревана, Толика Сорокина из Тулы, Лёшу Киселёва из Кишинёва, Ваню Коптюха... В общем, всех. И командиров – то же. А как же? Армия – это ж школа жизни. Так ведь, сынок? – обратился Сулейман к Андрееву, заканчивая лирическое отступление.

- Так, - согласился тот, - только лучше эту школу проходить в мирное время.

Старик внимательно посмотрел на капитана:

- Ты виноват в том, что здесь идёт война?

- Думаю, нет.

- И я не виноват. Это там, наверху, решили, что у них народу много, надо бы уменьшить. Вот и дали ход убийствам. Я бы в своё время, - перешёл на шёпот дядюшка, - в Магадан отправил бы и Ельцина, и Дудаева. Может, поостыли там маленько. Глядишь, целый был бы Грозный, в живых остались бы люди: и русские, и чеченцы.

- Ладно, отец. Время назад не воротишь. Даст Бог, всё утрясётся, заживём по-прежнему мирно.

- Дай Бог, дай Бог, - закивал головой дядька и двинулся навстречу Даниле, которого кликнули, и который уже подходил к ним.

Они сидели в закутке двора за врытым столом, что прятался под густой кроной акации.

- Вкусные лепёшки, - похвалил служивый. – Тётя Зейнаб умеет их печь как никто другой.

- Она как стала собирать! Если всё взять – не унёс бы, хоть ишаком родись. Говорю ей: « Зейнаб, что-то в дороге может испортиться, что-то пропасть. А вот лепёшки – нет. Сделай побольше.

Пусть ребята покушают вдоволь». Знаю, и ты их любишь, и Ахмед... Не встречался с ним? Не видел его хоть мельком, хоть издали? Заскучал я по нему...

- Нет, не видел. Сам соскучился. Встретился бы с радостью.

- Да-а... Ви ж ели из одной миски, играли вместе. Росли на моих глазах. Так быстро выросли...

Помнишь, когда наша отара стояла на «точке», вы поехали в хутор. И только скрылись в балочке – дождь ливанул. Да сильный! В жизни не видел такой. А потом ветер поднялся, гром загремел, молнии засверкали... Я уж сто раз пожалел, что отправил вас. Сколько лет прошло, а всё помню эту грозу и чувствую себя виноватым...

- Да что ты, дядя Сулейман, мы ж доехали тогда. Прижались друг к другу, накрылись какой-то рогожкой. Да и Борзик грел нас. Умный был пёс, всё понимал. А дома тётушка Зейнаб чаем напоила, лепёшками накормила. Такими же, как сейчас...

- Ты всегда всякую живность готов был приласкать. И она чувствовала это. И всегда тебя слушалась, будь то барашек или лошадь, собака или кошка... Не передумал поступать в ветеринарный?

- Нет. Дембельнусь, получу деньги – будет чем за учёбу платить.

- Аллах милостив. Всё получится так, как задумалось. Всевышний всегда настоящим воинам помогает.

- Дядя Сулейман, увидишь Ахмеда – привет большой передавай. Будет время – пусть приезжает меня навестить.

- Хорошо, передам. А сейчас, сынок, возьми кинжал, который тебе подарил на четырнадцатилетие. С командиром я поговорил. Он сказал, что можно. Тем более, что ты сейчас на Кавказе находишься, значит, настоящий джигит. Так?

Они обнялись, прощаясь, и гость ушёл. А Данила остался нести свою службу. До дембеля – рукой подать. А там... Впрочем, нечего

загадывать. Там – будь что будет. Сегодня он, младший сержант Герасимов, вышел на очередное боевое задание.

По еле приметной тропе, что петляет меж деревьев, кустов и камней, должен пройти отряд боевиков. И они, солдаты-срочники и бойцы-контрактники, ждут его здесь, маскируясь среди «зелёнки»... О том, что «лесные братья» пройдут именно в этом месте и именно сегодня, начальству шепнул осведомитель. Таких помощников много среди нохчи. Помогают и федералам, и бандюкам. По настроению, по событиям, по убеждениям. И за деньги. Кто как.

Сколько не ждёшь боя – начинается он внезапно. Как и заканчивается.

Так случилось и на сей раз.

Резко, вдруг затрещали выстрелы. Очереди. Одиночные. Вспыхивали с силой и почти умолкали, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз. Приближались к Даниле, отдалялись. Он тоже принимал участие в сражении, отряжая свинец в ту сторону, откуда неслась гортанная речь... Это в кино герой не целясь уничтожает своих противников, гвоздит из многочисленных видов оружия, с лёгкостью переходя от пистолета к гранатомету. И куда бы ни был направлен ствол в руках супермэна – всё будет поражено: от живой силы до техники. Редко когда у такого вояки заканчиваются боеприпасы, редкий неприятель цепляет его. И то, наверное, не больно. Потому, что даже раненый он строчит, взрывает, хитро уходит от врагов, чтобы, вернувшись обратно, одержать эффектную победу и закончить успешный день в постели с роскошной красоткой.

А в жизни военные действия выглядят совсем иначе. Пальбы много, но большинство зарядов летит мимо потому, что прицеливаться никто никому не даёт. Встретившиеся противники стараются почаще менять позиции, обхитрить, обставить врага и уничтожить его.

Смертельная игра ведётся фактически в полуслепую, а побеждает тот, кому больше повезёт...

Вот и здесь, в горах Кавказа, велась такая схватка, в которой сошлись солдаты Российской Федерации и солдаты удачи Ичкерии...

Данила лупил практически наугад, по наитию. Как и раньше бывало: на звук, на огонь, на крики. А уж кому улыбнётся фортуна – зависит от девяти граммов... Между деревьями металась фигура, двигаясь по направлению вверх. Герасимов, выпустив длинную очередь, услышал сзади и сбоку поддержку, рванулся вслед за бандитами. Огрызаясь, те не жалели пуль, которые срезали ветки и листья, расщепляли кору, впивались в деревья. Федералы и воины джихада долго кружились в смертоносном танце. То сходились, то расходились, не выпуская друг друга из вида. В конце концов в этом уголке гор их осталось только двое...

...Русоволосый солдат и полуобросший боевик рванулись навстречу один одному почти одновременно. Автоматы захлёбывались в злобе, отплясывая в руках замысловатую отдачу, а они сближались, ничего не видя и не чувствуя, словно замороженные кем-то, словно их толкали в спины. И упали почти одновременно. Только первый как-то неловко и странно распластался на земле, а второй, словно споткнувшись, встал на колени. Из горячих стволов змейкой струился дымок, из человеческих горл вылетал страшный хрип... Тяжело дыша, бородач сгибался от рези, что опоясала низ живота, не в силах сдвинуться с места. Ему было страшно и больно. Боялся, что славянин, только притворившись убитым, сейчас шарахнет из «калаша» и тогда он точно отдаст душу Всевышнему... Хотя и так, судя по ранению, душа уже у него в руках...Русский не шевелился. Чеченец, опираясь на свой автомат, вытер пот, что въедался в глаза, и на коленях же подполз к солдату. Тот лежал лицом вниз, выбросив вперёд правую руку, которая сжимала оружие... Но не это привлекло

внимание горца. Взгляд примагничивался ножами, что вызывающе ново украшали ремень федерала... Они показались знакомыми... Боясь поверить в догадку, в жуткую действительность, стал вытаскивать из ножен кинжал. Вытащив, бережно, словно ребёнка, держал клинок на ладонях, раскачиваясь телом вперёд-назад... Сомнений уже не было никаких. На стали гордо красовалось клеймо, своеобразный тейповый знак и выходит... Выходит, убитый им человек был кем-то из своих... Ахмед, задыхаясь от навалившейся усталости, от сухости во рту, от вдруг усилившейся боли, медленно перевернул лежавшего и ... судорожно сжал униформу на груди... На него смотрело лицо Данилы...

Выбиваясь из последних сил, перепачканный русской и своей кровью, вайнах подтащил убитого к ближайшему дереву. Привалился к стволу и поднял голову к небу, где последними отблесками гасла заря...

Бой давно закончился.

Над горами сгустились сумерки. А под деревом, где так же гремели выстрелы, лежали, обнявшись, двое. Один, русоволосый, с тёмными кровавыми пятнами на униформе, и второй, полуобросший курчавой бородкой, с родовым кинжалом в руке...

х. Качалин,
2005 год.